Борис Колмогорцев

ФАНТОМНАЯ ТАКТИЛЬНОСТЬ

Борис Колмогорцев

Фантомная тактильность

«Автор»
2026

Колмогорцев Б.

Фантомная тактильность / Б. Колмогорцев — «Автор», 2026

«Фантомная тактильность» — пронзительный и глубокий цикл новелл на стыке философской фантастики, психологической прозы и чувственного реализма. Мир, описанный в книге, кажется привычным, пока в нём не появляется «Гладь» — массовая таблетка, стирающая реакцию кожи на чужую боль, случайные толчки в метро и пронзительное одиночество прохожих. Люди выбрали абсолютную безопасность и тишину, превратив физическую дистанцию в государственный регламент. Но что делать тем, чья кожа продолжает «слышать»? Лера работает в бюро находок и кожей считывает чужие утраты, а Лев реставрирует разбитый по кинцуги. Их случайная встреча становится вызовом бесчувственному миру. В книге также переплетаются истории эпидемиолога Анны Игоревны, и гражданина П., пытающегося получить справку. Это сборник-размышление о том, что настоящая близость — это не отсутствие преград, а смелость разрешить другому оставить на себе след. Для поклонников Р. Брэдбери, П. Зюскинда, братьев Стругацких и Курта Воннегута.

© Колмогорцев Б., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Фантомная тактильность 5
Пролог от автора 6
Тёплая 7
0. Автобус 7
1. Бабушкины руки 7
2. Щелчок 8
3. Руки мастера 8
4. Гладь 9
5. Реставратор 9
6. Три сантиметра в секунду 9
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Борис Колмогорцев
Фантомная тактильность

Фантомная тактильность

Цикл новелл

Пролог от автора

Описать развитие понятия осязания сегодня кажется мне задачей благодарной. Моё школьное представление о «рецепторах давления на коже» давно устарело. Нейробиология нашла С-тактильные афференты: волокна, которые молчат на удар и отзываются на медленное тёплое поглаживание, примерно три сантиметра в секунду. Физика ушла далеко от журнала «Квант» 1971 года и напомнила, что на уровне атомов прикосновения нет вообще: электронные оболочки отталкиваются, а то, что мы зовём контактом, есть силовое поле сопротивления. Психология добавила кожный голод и зеркальные нейроны.

У меня с осязанием всегда были сложности. Иногда от неожиданного прикосновения кожа начинает сокращаться и вибрировать, и это бывает и от приятного, и от болезненного. В тесноте чужое присутствие порой ощущается почти физически — как направление, откуда идёт жар или холод. Где тут граница между телесной памятью и воображением, я не знаю, и в этих новеллах вопрос остаётся открытым.

Я попытался переплавить такое знание в прозу в разговоре с теми, кого люблю читать: с Брэдбери за тёплую чувственность, с Зюскиндом за телесную точность, с Хармсом за абсурд, со Стругацкими за горечь, с Воннегутом за ироничную физику. Получились три новеллы об одном допущении: что случилось с людьми, когда они придумали таблетку «Гладь». Рядом с ними живёт тема эмоционального голода из моей новеллы «Накорми меня?!».

Мне не хочется никого поучать. Ни один герой здесь не объясняет, почему принял таблетку или почему отложил её на блюдце. Я могу только показать руки, стул, чашку и ручку в лотке. Если какое-то слово окажется непонятным, загляните в словарь в конце книги.

Тёплая

0. Автобус

Отпуск, конец октября. Вечерний автобус набит так, что поручень держишь чужой рукой. Лера стоит, зажатая между плащами и сумками, и вдруг понимает: слева, на уровне пояса, у кого-то в ладони нож. Она его не видит. Она чувствует его всем телом, как зимой чувствуют сквозняк из невидимой щели. А вместе с ножом приходит желание ударить, сухое, горячее и направленное, как стрелка компаса.

Обернуться некуда. Можно только знать, откуда идёт жар. Через две остановки Лера, извиняясь, пробирается к двери и выходит в темноту, не доехав.

Вечером в новостях передавали о нападении в городском автобусе на том самом маршруте. Лера не вздрогнула. Она смотрела на экран и думала: значит, не показалось. Или совпало? Она не знала, и ей не хотелось знать. Ей хотелось, чтобы такое случалось реже.

Кожа у неё и раньше была странной. От чьего-нибудь неожиданного прикосновения она вдруг начинала сокращаться и дрожать мелкой волной, как вода от шагов. Так бывало и от ласки, и от толчка, и кожа не объясняла, какое это прикосновение. Она сообщала только одно: оно настоящее.

1. Бабушкины руки

Бабушка перебирала пряжу медленно, как перебирают чётки. Маленькая Лера сидела рядом на табуретке и держала мотки на растопыренных руках.

— Не дёргай, — говорила бабушка. — Нитка всё чувствует.

— Нитка не чувствует.

— Чувствует. Просто не говорит.

Потом бабушка клала шершавую ладонь ей на предплечье и вела вниз, к запястью. Лера до сих пор помнила, как по руке шла тёплая вода, хотя вода была только в голове. Бабушка никогда не спешила. Мать, проверяя лоб, всегда торопилась, будто лоб мог за это время передумать.

В школе она впервые узнала, что с ней что-то не так. Мальчик на перемене пихнул её в плечо, шутя, и кожа от плеча до локтя пошла мелкой рябью, как лужа под дождём. Лера замерла.

— Ты чего трясёшься? — спросила соседка по парте.

— Щекотно, — сказала Лера.

Это было первое слово, которое она придумала про себя вместо правды. Потом их стало много. «Замёрзла». «Сквозняк». «Нервы». Дома бабушка слушала этот список и не спорила.

— Нервы у всех, — сказала она однажды. — А у тебя ещё и кожа слышит. Не прячь её, Лерочка. Просто не показывай всем подряд.

В четырнадцать Лера нашла на лавке перчатку. Подняла, надела, не думая, и вдруг ощутила чужую руку внутри, большую, усталую, ждущую кого-то у подъезда. Она отнесла перчатку в школьный гардероб и всю ночь не могла уснуть: впервые за день ей было не одиноко, а чужое одиночество оказалось таким осязаемым, что хотелось поделиться хотя бы одеялом.

2. Щелчок

Сначала появились плакаты. На них был нарисован палец, нажимающий на блистер, и подпись: «Щёлк — и спокойно». Потом появилась мелодия из двух нот, такая короткая, что её напевали, даже не замечая. Потом в школах, на заводах и в метро вывесили объявления: «Ознакомительный приём. Добровольно. По спискам».

Льву было девятнадцать. Он стоял в очереди в районном пункте между женщиной с авоськой и парнем в наушниках. За столом сидела девушка в белом халате с печатью на цепочке.

— Фамилия?

— Рубцов.

— Ознакомительный курс. Один блистер на месяц. Вам расписаться вот здесь, а здесь поставим отметку.

— А если я не…

— Тогда отметки не будет. — Она улыбнулась так, словно сообщала про погоду. — Ничего страшного. Просто в списке.

Дома мать ждала его с чаем. Блистер лежал на столе между сахарницей и хлебницей, серебристый, с двадцатью восемью выпуклыми ячейками, как маленький город на карте. Она выдавила первую таблетку на ладонь и протянула ему.

— Вместе, — сказала она.

Они положили таблетки в рот одновременно. Щёлкнула фольга. Звук вышел тонкий и чистый, словно кто-то выключил в соседней комнате лампу.

— Вот и всё, — сказала мать.

— Вот и всё.

Утром Лев ехал в метро, и никто не толкал его, хотя толкали со всех сторон. Он стоял, прижатый к двери, и не вздрагивал, когда чужие пальцы задевали его плечо. Он думал: «Как тихо». Через неделю он перестал это думать. Тишина стала обычной, как стена в коридоре, которую давно не замечаешь.

К концу года мелодию из двух нот напевал весь город.

3. Руки мастера

К фарфору Лев попал случайно: в мастерской на Литейной требовался подмастерье, а старик Арсений не спрашивал, принимает ли тот таблетки.

— Руки покажи, — сказал он.

Лев протянул. Арсений осмотрел их, как осматривают инструмент, и кивнул.

— Хорошие. Только пустые.

— В каком смысле?

— В прямом. — Старик взял чашку с едва заметной трещиной и подал ему. — Найди.

Лев провёл по краю пальцем. Ничего. Фарфор был гладким, как вода.

— Здесь, — сказал Арсений и коснулся ногтем крошечной линии, которую Лев не нащупал бы и за год. — Глазами ты её увидишь, если повезёт. Пальцами нет. Что ж, будем учиться глазами.

Лев научился. Он стал смотреть так, как другие слушают: по полчаса, не отрываясь от одного скола, пока свет не открывал ему шов. Он работал точно, быстро и без вопросов, и заказчики называли его руки золотыми. Они не замечали, что руки эти не знают, тёплая ли чашка, остыл ли клей, дрожит ли рука. Всё это Лев узнавал по приборам и по глазам.

Однажды Арсений сказал, не поворачиваясь от верстака:

— У тебя ни разу не получилось плохо.

— Спасибо.

— Это не похвала.

Больше они об этом не говорили. Через два года Арсений умер, оставив Леву мастерскую, набор кистей и коробку с обломками, которые не успел склеить. Лев хранил их на нижней полке. Иногда он брал один осколок, держал в ладони и ждал, что тот что-нибудь скажет.

4. Гладь

В этом городе давно никто не вздрагивал в метро.

Препарат назывался «Гладь». Его принимали по утрам, как витамин, запивая водой, и к обеду кожа становилась ровной, как стол: толчок в вагоне, чужой локоть, случайная рука в очереди за хлебом больше ничего не значили. Врачи говорили: «снижение реактивности». Рекламные щиты говорили: «Будьте непроницаемы». Люди говорили просто: «Хорошо, что не цепляет».

Лера не принимала «Гладь». Не из принципа. У неё была редкая особенность, которую в карточке записали сухо: повышенная афферентная чувствительность с зеркальным компонентом. Попросту, чужое одиночество она ощущала кожей. В переполненном автобусе у неё мёрзли предплечья. Рядом с человеком, которому никто не звонил неделями, холод поднимался от запястий к плечам, как вода в дырявой лодке.

Она работала в бюро находок на конечной станции и там была почти счастлива. Забытые зонты, чужие перчатки, детские варежки на резинке. Вещи были тёплыми, только если их недавно кто-то носил. Лера научилась читать это на ощупь, как другие читают даты.

5. Реставратор

Лев пришёл за потерянной шкатулкой. Он сказал это так ровно, что Лера сразу поняла: «Гладь», лет десять, не меньше. От таких людей не холодно и не тепло. От них никак.

Он был реставратором фарфора. Руки у него были замечательные: точные, быстрые, с белёсыми следами клея в складках. Он взял шкатулку, повертел, кивнул.

— Спасибо. Я думал, она пропала.

— Вам не жалко было бы? — спросила Лера. Вопрос вышел лишним.

— Жалко? — Лев задумался всерьёз, как над сколом на чашке. — Знаете, я не уверен, что помню, как это устроено.

Лера ощутила, как по рукам, от кистей к локтям, пошёл холод. Не злой. Просто глубокий, как колодец в нежилом доме.

6. Три сантиметра в секунду

Они стали пить чай по четвергам. Лев приносил чашки со сколами, чтобы показывать, как склеивает: золотом по трещине, по старой японской привычке. Лера слушала и держала ладони на тёплом боку чайника.

Однажды он сказал, глядя в окно:

— Мне иногда не хватает занозы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.